

Елена Кибирева

Лилии полевые

Первые христиане. На заре благодати

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ ИЗ ПЕРВЫХ ВЕКОВ ХРИСТИАНСТВА,
СОБРАННЫЕ ДУХОВНЫМИ ЧАДАМИ РЕПРЕССИРОВАННОГО
СВЯЩЕННИКА ГРИГОРИЯ ПОНОМАРЕВА (1914-1997 гг.)

Книга для семейного чтения

*...Из всех цветов во вселенной
Ты избрал Себе одну лилию (3 Езд. 5, 24)*

Издательство «Апостол веры», «Звонница®»
Москва — Курган, 2023

УДК 291.8
ББК 86.2
К 38

Библиотека

«Звонницы»

Серия:

«ИЗ АРХИВА ДУХОВНЫХ ЧАД РЕПРЕССИРОВАННОГО
СВЯЩЕННИКА ГРИГОРИЯ ПОНОМАРЕВА (1914-1997 ГГ.)»

Допущено к распространению Издательским
советом Русской Православной Церкви

К 38 Лилии полевые. Первые христиане. На заре благодати / Авт.-сост. Е.
Кибирева. — Москва: Апостол веры; Курган: Звонница, 2023. — 528 с.

Перед вами сборник книг серии: «Из архива духовных чад репрессированного священника Григория Пономарева (1914-1997 гг.)» — «*Лилии полевые. Первые христиане. На заре благодати*». Серия отличается от предыдущих сборников тем, что в нее вошли повести и рассказы, собранные духовными чадами отца Григория. Продолжая дело отца Григория, автор сборника собрала архив из 20 тыс. страниц православных рассказов, большинство из которых не переиздавались в России после революции XX века. Основой для данного архива стали первоисточники (названия дореволюционных журналов, типографий, издателей), а также имена писателей и литераторов, на которые ссылался в своих дневниках о. Григорий Пономарев. Ранее редакцией «Звонница» изданы пять сборников:

1. «Лилии полевые», 2. «Лилии полевые. Крестоносцы», 3. «Лилии полевые. Покрывало святой Вероники», 4. «Лилии полевые. Три года жизни в Священном городе», 5. «Лилии полевые. Подвиг», содержание которых наполнили рассказы и поучения из личного архива отца Григория. Все книги получили грифы Изд. Совета РПЦ.

В содержание данного сборника легли повести из первых веков христианства русских и зарубежных писателей, перепечатанные из книг и журналов, издававшихся в конце XIX и начале XX вв. в России под грифами «От С.-Петерб. Духовного Цензурного Комитета печать дозволяется». Тексты заново отредактированы, иллюстрированы авторскими рисунками. К рассказам составлены новые примечания с объяснением малоизвестных терминов и слов.

Прот. Григорий Пономарев был репрессирован в 1937 г., осужден на 10 лет лишения свободы по 58-й статье и сослан в сталинские лагеря на Колыму. Вернувшись из лагерей Крайнего Севера, был реабилитирован в 1954 г. и более 40 лет служил в храмах Свердловской и Курганской областей. 25 октября 1997 г. отец Григорий и его супруга Нина Сергеевна, прожившие в любви и согласии 61 год и 2 дня, вместе преставились ко Господу и похоронены в одной могиле возле Свято-Духовского храма пос. Смолино Курганской обл.

Книга предназначена для чтения в семейном кругу, а также для учеников и преподавателей православных воскресных школ и гимназий.

- © Елена Кибирева, автор-составитель книги; литературная, художественная, техническая редакции; макет, верстка, дизайн, текст 2023 г.
- © Елена Кибирева, личный архив;
- © Ольга Бухтоярова, Маргарита Мальцева, карандашные рисунки, 2007/2023 гг.
- © Издательство «Апостол веры» (ИП Семенец И.Ю.),

ISBN

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сборник *«Лилии полевые. Первые христиане. На заре благодати»*, вошли повести и рассказы, написанные русскими писателями во второй половине XIX века. Тексты рассказов перепечатаны из дореволюционных книг и журналов, издававшихся в России в конце XIX и начале XX вв. под грифами *«От Санкт-Петербургского Духовного Цензурного Комитета печатать дозволяется»*.

Церковно-исторические повести и рассказы этого сборника описывают жизнь первых христиан во времена евангельских событий и апостольского служения учеников Христовых. Внимание составителя книги привлекли сюжеты из древнехристианских времен, повествующие о становлении и укреплении христианства в странах Древней Греции, Рима и Ближнего Востока, находившегося под властью Римской империи в первых веках от Рождества Христова. Эта эпоха осталась в истории человечества как время утверждения христианской веры и, в то же время, — жестоких гонений на христианскую Церковь.

На заре благодати, когда реками лилась кровь перво-мучеников, утверждалась и крепла Церковь Христова.

Однако преследование христиан не прекращается и в наше время. Сегодня жестокому гонению, репрессиям и истреблению подвергаются христианские народы, церковь и священство на Ближнем Востоке, в Африке, на Балканах, и Украине. На тех землях, где проповедовал Иисус и его ученики, развязываются кровавые войны. Но Господь и сегодня призывает нас, так же как и первых христиан, быть верными Кресту Христову даже до смерти, твердо стоять в вере, хранить заповеди Божии, обличать и сопротивляться сатанинскому злу.

В сборнике «Лилии полевые. Первые христиане. На заре благодати» есть рассказ «Пир Диоклетиана», главный герой которого, христианин Амфилох, обличает языческую элиту словами:

«Гнусный, безбожный Рим — гнездо всякой скверны, зла и насилия; геенна геенн, дышащая пламенем и тленом и заражающая своим нечистым дыханием кроткие и чистые цветы Божией истины, которым определено расцветать на страдание и скорбь, дабы исполнилась чаша долготерпения Господа. Ты — кладезь неслыханных страданий и вопиющего проклятия! Придет день — и свершится над тобою кара Божия за то, что ты был глух к возвещению истины и смеялся над ее откровением. Именем Того, Кто воссиял... над миром и отверз ему глаза и сердце, я проклиная вас, языческие черви, грызущие гниющий в разврате Рим...» (см. стр. 516).

Эти слова, произнесенные одним из первых христиан Древнего Рима, Господь обращает и к современному миру. Сегодня растленный человек еще более гнусен и, кажется, человечество погружается в абсолютное зло.

Но любящий Господь, так же как и в первые века христианства, предлагает Своим верным чадам и всем людям выбор — оставаться ли каждому из нас человеком, живущим по евангельским заповедям, или превращаться в свиное стадо из притчи о Гадаринском бесноватом (Лк. 8, 26-33).

Кажется, давно прошли те времена, когда христиане за свою веру горели на столбах, как живые факелы, когда их заставляли поклоняться языческим богам и отказываться от веры в Иисуса Распятого; когда их тела разрывали клыками кровожадного зверья, когда палачи стальными когтями точили их истерзанную плоть и разбрасывали по земле их обугленные кости... Однако это же самое происходит и сегодня и христиан преследуют и гонят по всему миру. Но падший мир ужасается не дьявольских злодеяний и жестокости сатанинских войн, а стойкости тех, кто остается верен Христу и Его заповедям до самой смерти, кто чтит Матерь Церковь и ее апостольские установления, кто остается человеком по образу и подобию Божию, свидетельствуя миру о Воскресении Христовом. А мы верим, что никогда геенна геенн, дышащая пламенем и тленом, не заразит своим нечистым дыханием кроткие и чистые цветы Божией истины. Аминь!

*Елена Кибирева,
издатель, член Союза писателей России.
2023 г.*

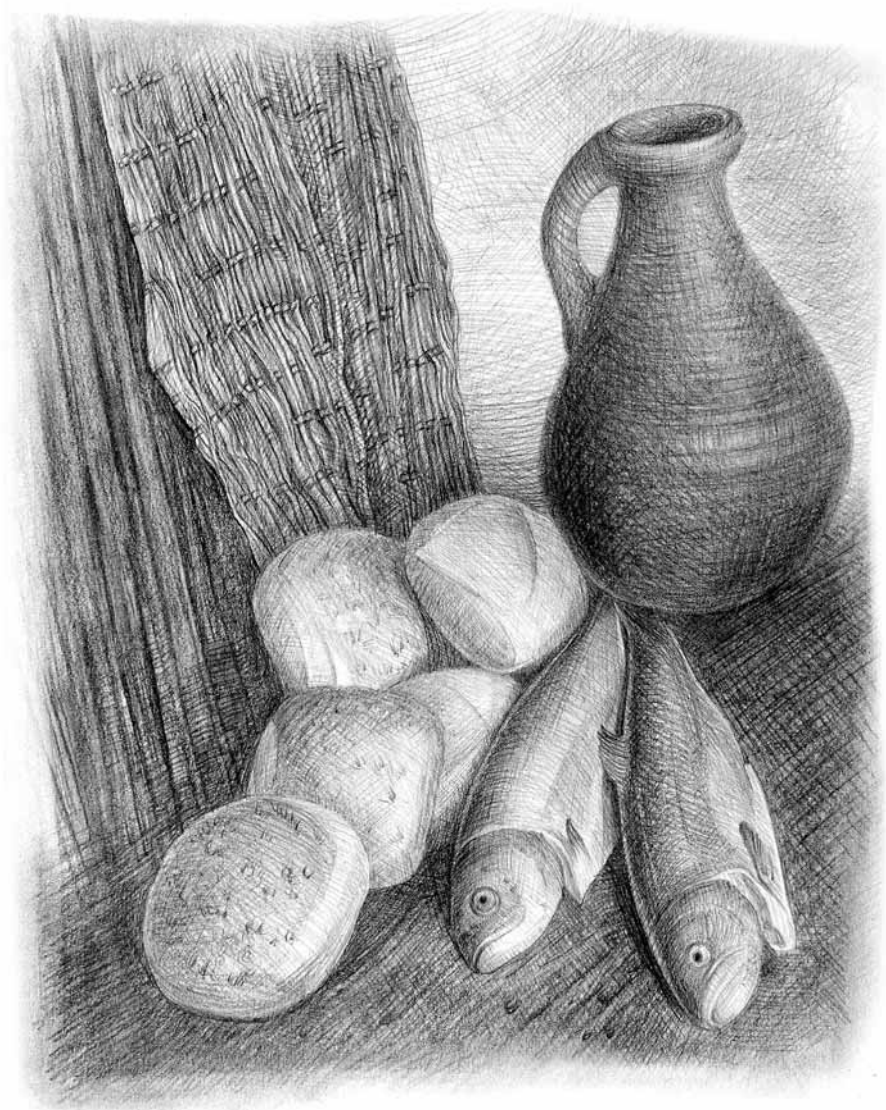

Рис. Ольги Бухтояровой

И.В. ПОПОВ-ПЕРМСКИЙ

НА ЗАРЕ БЛАГОДАТИ

*Церковно-историческая повесть
из времен проповеди
святого апостола Павла в г. Ефесе*

Издание В. М. Скворцова

Петроград,
Типография «Колокол», Невский, 127

1915 год

НА ЗАРЕ БЛАГОДАТИ

*Церковно-историческая повесть
из времен проповеди святого апостола Павла в г. Ефесе*

I

Эфесский скульптор Димитрий задумчиво прогуливался по своему роскошному перистиллю*, выложенному мелкими мраморными плитками. Это был высокий, полный, представительный мужчина, лет под шестьдесят, с крупными чертами лица. В глазах его светилась твердая воля человека с непреклонным, стойким характером. Сильно изогнутый нос придавал всему лицу оттенок какой-то суровости. Но что красило его — это густые волосы, целой шапкой поднимавшиеся над высоким лбом. Одет он был в пурпурный хитон с золотыми вышивками на подоле. Димитрий, закинув руки за спину, медленно шагал из конца в конец. Глубокая, напряженная дума стояла в его глазах. Рабы тихо и осторожно

* Перистиль — центральная часть дома с колоннами и открытым верхом.

проходили по перистиллю, направляясь в столовую. Оттуда доносился стук мебели и звон посуды. Там царило большое движение.

Главный раб Нилос несколько раз вопросительно выглядывал из столовой на господина. Наконец, он осторожно проговорил:

— Не прикажешь ли подавать на столы? Время прибытия гостей близится.

Димитрий очнулся от своих дум.

— Хорошо. Подавайте. Все ли приготовлено?

— Все, господин.

— И хиосское вино?*

— Да!

— Ты известил музыкантов и танцовщиц? Не запоздают они?

— Не беспокойся, господин. Все устроено. И завтра же весь Ефес** заговорит, каким обедом ты чествовал своего сына, вернувшегося победителем с Великих Панафиней***.

Димитрий довольно улыбнулся.

— Да, мой сын заслужил того, чтобы им интересовался весь Ефес.

— И город должен гордиться твоим сыном, о, господин! — вскричал с каким-то энтузиазмом Нилос. — Твой сын — украшение и слава нашего Ефеса. Имя его теперь увековечено.

* Хиосское вино у древних греков считалось самым дорогим. Ведро его стоило на наши деньги 7 р. 50 к., тогда как фракийское всего ценилось в 15 к. ведро — *примечание 1904 года.*

** Эфес — античный город в турецком Эгейском регионе близ современного города Сельчук (западное побережье Турции); город Артемиды.

*** Панафинеями назывались праздники в честь богини Афины и справлялись в июле через каждые четыре года. Панафинеи праздновались в г. Афины)

Раб поклонился и вышел для новых распоряжений, а Димитрий прошел в гинекей*.

— Жена и дочь одеты? — спросил он у служанки, которая в первой комнате растирала краски для подведения бровей.

— Да, господин.

Димитрий вступил в комнату, обставленную замечательно художественно. Стены украшали лучшие ковры, какие только производила Азия. На столиках из черного и красного дерева красовались мраморные, золотые и серебряные статуи — работы самого хозяина. В одном углу помещался особый бронзовый столик для курения благовоний. Кушетки были покрыты лучшей тканью с затейливыми рисунками. Поражал своей изящной отделкой и массивными размерами светильник с десятью спускающимися на цепочках лампадами. Вдоль одной стены тянулся ряд стульев без спинок, называвшихся дифрами. Видимо, Димитрий не пожалел денег, чтобы обставить как можно комфортабельнее и изысканнее эту комнату, предназначенную для жены Ксанфы и красавицы дочери Ариадны.

При входе Димитрия с низкого дифра быстро поднялась молодая прелестная девушка, только что закончившая свою прическу перед великолепным бронзовым зеркалом, стоявшим на высоком постаменте.

— Взгляни, отец, на мою новую тунику. Хороша? Не правда ли?

И молодая девушка, отступив шаг назад, выпрямилась во весь свой рост. Она кокетливо склонила голову набок и с вопросительной улыбкой глянула на отца.

* Гинекей — женская половина дома.

Димитрий ласково оглядел дочь.

— Туника великолепна, но ты еще лучше...

Он не без восхищения оглядел стройную фигурку дочери. Ариадне шел восемнадцатый год, и она справедливо могла считаться одной из самых красивых эфесских девушек. Чудные, веселые, лучезарные глаза, оттененные длинными ресницами, нежный румянец на алых щеках, вьющиеся волосы, стройный стан, охваченный золотым поясом, — все это придавало Ариадне какое-то неземное обаяние. Недаром к ней сваталось уже несколько знатных женихов, которым, однако, Димитрий отказывал, ссылаясь на молодость дочери; на самом же деле ему просто не хотелось так скоро расставаться со своей любимой дочерью.

— Ах, отец, ты всегда говоришь преувеличенно о моей красоте. А в данное время я желала бы знать одну правду — идет ли мне эта туника? Ведь сегодня у нас такой торжественный обед и будет много гостей. Каково твое мнение как художника?

— Милое дитя! Клянусь великой Артемидой, туника восхитительна. Все внимание гостей будет обращено

на тебя. Но, однако, где же Ксанфа? Куда исчез герой нашего обеда Аристоген?

— Мама и брат в саду. А где Дорион, не знаю.

— Дориона я послал в город. Он скоро вернется. А вот и они.

В комнату вошла худощавая женщина лет сорока пяти, одетая в более скромную тунику. Следом за ней показался красивый, изящный юноша лет двадцати двух, с тонкими правильными чертами лица. Во всей его фигуре чувствовалось благородство, смелость, отвага. Глаза смотрели хотя несколько и самоуверенно, но мягко.

Димитрий справедливо гордился красотой детей. Аристоген, его младший сын, представлял из себя идеал мужской красоты. Греки, ценившие в человеке прежде всего телесную красоту, открыто восхищались Аристогеном. Часто голова его служила скульпторам моделью при формовке разных статуй. На юноше ловко и элегантно сидел пурпуровый хитон, сверх которого был наброшен на спину небольшой плащ-хламида*, застегнутый у подбородка большой художественной, тонкой работы пуговкой, изображавшей крылатого гения.

Ксанфа грузно опустилась на кушетку.

— К несчастью, я сегодня чувствую себя не особенно хорошо. Ах, как тяжело всегда достаются эти торжественные обеды!

— В таком случае, не лучше ли тебе не выходить из своей комнаты? — предложил Аристоген.

— О нет, нет, — с живостью отозвалась мать, — сегодня у нас такое торжество, и вдруг я буду отсутствовать! Этим я нанесу тебе оскорбление.

** Хламида — греческий плащ из шерстяной ткани, мантия, накидка.

— Что ты говоришь, мама! Можешь ли ты нанести мне оскорбление? — вскричал Аристоген.

Во взоре, устремленном на мать, горело так много любви и преданности, что Ксанфа сразу замолчала и с нежной улыбкой взглянула на сына.

— Аристоген, ты, надеюсь, поддержишь меня? — обратился Димитрий к сыну.

— В чем?

— До вашего прихода Ариадна спросила меня, хороша ли ее туника. Я нахожу, что она никуда не годится. Ты согласен со мной?

Аристоген удивленно взглянул сначала на отца, потом перевел взор на сестру. Молодая девушка захлопала в ладоши.

— Ну, Аристоген, возлюбленный брат мой, говори!

Аристоген стал в позу, поднял руку кверху и театрально заговорил:

— О, если бы сама великая Афродита* захотела явиться в образе смертном, то и она не нашла бы лучшей туники, которая сейчас на тебе. И даже тогда нужно было бы позвать Париса**, чтобы решить, кому отдать яблоко: тебе или же... Афродите.

— Ты можешь поспорить с самим Гомером***, — польщенная, отвечала Ариадна.

— И с Аполлоном****, — добавил Димитрий.

Ксанфа только улыбалась, слушая болтовню дорогих лиц.

* Афродита — в греческой мифологии богиня красоты и любви.

** Парис — юноша, который (по древнегр. мифол.), выбирая между богинями, вручил золотое яблоко Афродите, а она за это помогла ему выкрасть Елену, жену спартанского царя, что стало причиной Троянской войны.

*** Гомер — древнегреческий поэт, автор эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

**** Аполлон — в греческой мифологии бог красоты и поэзии.

— Но шутки в сторону, сестра, а эта туника отделана действительно великолепно. Где ее работали?

— Вышивали здесь, в Ефесе, но материя — аркадский виссон*.

— Отлично сделано, прекрасно! Ты выглядишь в ней настоящей царицей. Если бы ты показалась на великих Панафинеях** — я уверен, на тебя было бы обращено всеобщее внимание.

— А как мне хотелось бы побывать на них! — вырвалось у молодой девушки.

— И побываешь, не беспокойся, — утешил ее отец. — Хотя я живу в Ефесе уже около тридцати лет, но никогда не забываю родных Афин. Ты дочь Афинского гражданина и должна видеть родину твоего отца.

— О, благодарю тебя! Моя горячая мечта — увидеть твою родину, хотя и наш Ефес великолепен. Едва ли я когда-нибудь покину его. Ведь здесь так хорошо. Один храм великой богини Артемиды стоит тысячи дворцов.

В это время послышались шаги, и в комнату быстро вошел молодой мужчина лет тридцати. Одного взгляда на него было достаточно, чтобы признать в нем старшего сына Димитрия. Он замечательно походил на отца: тот же горбинкой нос, те же крупные черты лица, отдававшие суровой волей. Хорошо сложенная фигура говорила о большой физической силе и выносливости. В красоте он далеко уступал своему младшему брату Аристогену. В этом отношении их никто не считал бы родными братьями.

— Я не опоздал?

— Нет.

* Виссон — тончайшая ткань, белая или золотистая.

** Панафинеи — в Древней Греции праздник в честь богини Афины.

— Отлично. Пришлось долго задержаться у негодного цирюльника Кефала. Народу — полная комната. Ну и без ссоры не обошлось. Я чуть было не зашиб насмерть какого-то сирийца, который осмелился дурно отзываться о храме великой Артемиды. На меня насели его товарищи. Мой кулак свихнул негодному челюсть, а другой дуралей от пинка ноги в следующее мгновение уже валялся на полу. Клиенты Кефала, видя мой успех, шумно мне заплодировали.

— О, ты настоящий Геркулес, это я знаю. Кто хотя раз попробует твоего кулака, тот вряд ли захочет испытать его силу вторично. Вот тебе отправиться бы на Олимпийские игры. Я уверен, тебя увенчали бы венком, — произнес Аристоген, с нескрываемым удовольствием оглядывая крепкую, статную фигуру брата.

— Ты хочешь, Аристоген, чтобы я так же прославился, как и ты? — засмеялся Дорион. — Нет, от этого уволь. Я всегда предпочту свою мастерскую. Состязайся в играх ты. Если я стану гоняться за играми и искать славы, то кто же станет работать? У меня на первом плане работа. Только в мастерской я и живу.

— Твоя рассудительность, Дорион, меня радует, — хлопнул сына по плечу Димитрий. — Впрочем, иначе говорить ты и не можешь. Наше ремесло дает нам, сам знаешь, прекрасные барыши. И если ты не будешь относиться к делу с любовью, то кто же после моей смерти станет во главе предприятия? На Аристогена я плохо рассчитываю. И Аристоген хорошо работает, но он еще не настолько опытен, как ты.

— Благодарю тебя, отец, — склонил голову Дорион.

Скоро раб доложил о прибытии первых гостей. Обширный перистиль мало-помалу наполнился шумом и

говором. Гости, а особенно гости, блистали своей одеждой, сшитой и украшенной руками лучших мастеров и мастериц Ефеса.

Среди гостей много было скульпторов и товарищей Димитрия по производству. Здесь был весельчак Трасей, который, кажется, никогда в жизни не делал грустного лица и заражал своим смехом других. Здесь был серьезный вдумчивый Автокль, который ухитрялся вместе с работой в мастерской читать греческих поэтов и философов. Тут присутствовал вечно недовольный, брюзжащий Клитон, который говорил мало и смотрел на все с мрачной, пессимистической точки зрения. Говорят, что это с ним случилось после смерти дочери. Рассказывали, что он сделал большую статую умершей и ежедневно воскурял перед ней фимиам.

Все эти товарищи Димитрия пришли со своими семействами. Димитрий пригласил на обед и своего главного помощника Калликрата, молодого человека атлетического телосложения. Присутствовал городской блюститель порядка Гиеронид, почтенный старец с большой бородой и ловко сидящим на нем гиматионом*.

— Привет тебе, герой Панафиней! Привет Аристогену, славой покрывшему свое чело! — весело вскричал Трасей, лишь только увидал героя-юношу.

Аристоген не остался в долгу.

— И тебе, знаменитый художник великой богини Артемиды — привет! Пусть слава о тебе дойдет до Геркулесовых столбов**. Твое искусство известно и в Киликии, и в Памфилии.

* Гиматион — широкий, продолговатый плащ.

** Геркулесовыми столбами назывался Гибралтарский пролив (между южной оконечностью Пиринейского п-ва и северо-зап. побережья Африки)

— Пожелай это, друг мой, твоему отцу. Он великий мастер, а я, по сравнению с ним, еще ученик.

— Не унижай себя, мой славный Трасей, — произнес Димитрий, — твои мраморные статуи куда лучше моих. Мне далеко до тебя. Но, однако, друзья мои, прошу в столовую разделить с нами скромный обед. Аристоксен, сегодня ты хозяин. Приглашай и занимай гостей. Пусть они не упрекнут тебя в нелюбезности и отсутствии радушия.

Столовая представляла из себя просторную, светлую комнату, посредине которой были поставлены два больших, овальных стола с ложами* с трех сторон. Для женщин на другом конце комнаты был раскинут длинный стол. На столах красовались холодные закуски, задачей которых было лишь возбуждение аппетита.

Когда гости вошли в столовую, невольники вымыли у них ноги и побрызгали благовониями. Затем была подана в особых кувшинах вода для умывания рук. После этого Димитрий, как хозяин, сделал возлияние в честь Артемиды Ефесской, и только тогда гости возлегли по местам.

Столовая наполнилась оживленным разговором и смехом. Героем обеда был, конечно, Аристоксен. Он возлежал на среднем почетном месте и оживленно передавал свои впечатления о празднике.

— Твой брат — настоящий Аполлон, — шепнула на ухо Ариадне ее бойкая, веселая подруга.

— Поэтому ты и смотришь на него, не сводя глаз? — засмеялась Ариадна.

* Древние греки и римляне во время обеда и завтрака не сидели, но возлежали. Обычай этот впоследствии был усвоен и евреями.

Гостья слегка покраснела и шутливо ударила Ариадну по руке.

— Нельзя не ценить красоту, но однако послушаем твоего брата. Вот он начал рассказывать, кажется, о Великих Панафинях.

И гостья не отрывала своего взгляда от прекрасного лица юноши.

— Никогда наш Ефес не увидит такого торжественного зрелища, как несение покрывала богине Афине! — воскликнул с воодушевлением Аристоген.

— Мой юный друг совсем стал афинянином, — засмеялся Трасей, — а ты забыл наш Артемидин месяц? Разве мы не достаточно торжественно чтим свою богиню?

— Не спорю, мы чтим ее, но обстановка праздника в Афинах, мне кажется, гораздо величественнее и интереснее. Представьте себе такую картину. Медленно идет по земле на колесах священная триера*; вместо паруса — покрывало, предназначенное для Афины-Паллады. Ах, что это за великолепная ткань! На ней были изображены разные деяния богини, тут же красовались картины из истории и даже портреты знатнейших горожан.

— Кто же ее ткал? — спросила одна из женщин.

— Ее ткали под наблюдением жрецов молодые девушки, воспитанные в храме Эрехтейон**. Повторяю, покрывало — верх искусства. Триеру сопровождали жрецы, граждане Афин и других городов с различными приношениями, метеки*** с золотой и серебряной утварью, далее следовали колесницы с атлетами и, наконец, народ. У всех праздничная одежда, веселые лица. Оживле-

* Триера — лодка.

** Храм Эрехтейон — один из главных храмов Древних Афин, построен в 421-406 гг. до н.э., расположен на северной стороне Акрополя.

*** Метек — вольноотпущенник.

ние необыкновенное. Процессия шла из Керамического квартала и, минуя Эльзион и Акрополь, остановилась против Ареопага. Здесь отвязали покрывало и понесли его до самого Эрехтейона. Нет, надо самим видеть эту процессию, чтобы понять всю ее красоту! Тут сошлось все, чтобы ласкать зрение: и красивые лица, и великолепные одежды, и лошади, и колесницы.

— А ты шел недалеко от триеры? — спросила Ариадна.

— Да, недалеко. Я имел на это право, как победитель в беге.

— Друзья мои, вы, вероятно, не все еще видели те амфоры, которые получил мой сын? — вставил Димитрий.

— Покажите, покажите. Где они? — посыпались вопросы.

Димитрий дал знак. Рабы быстро скрылись и через минуту внесли стол, на котором красовалось несколько глиняных разрисованных ваз, наполненных маслом из оливковых священных рощ.

Пока гости рассматривали амфоры, Аристоген продолжал:

— Эти амфоры я получил как награду в ночном беге с факелами. Нас бежало двадцать человек, и я пришел первым. Этот бег необыкновенно интересен и составляет самый главный номер праздника.

Пока юноша рассказывал, рабы подали мясо, рыбу и соусы. После этих блюд гостям была вновь предложена вода и полотенце для умывания рук. Другие рабы внесли новые столы с десертами и фруктами. Гости возло-

* Амфора — сосуд для масла.

жили на головы венки из цветов и сделали возлияние Доброму Гению*.

Заговорили о разных городских новостях: Трасей начал декламировать стихи, Автокль прочел какую-то цитату из Платона**. Женщины весело пересмеивались. Серебристый смех Ариадны так и царил в столовой.

Рабы зажгли светильники и обрызгали гостей благоуханиями. Кто-то начал разговор о новом учении, распространявшемся за последнее время в Ефесе.

— Я был недавно в училище Тиранна и слушал речь этого Павла из Тарса***, — проговорил Гиеронид. — Мне, как блюстителю городского порядка, необходимо было познакомиться с этим учением.

Все обернулись к нему.

— И интересная речь? О чем он проповедовал? — заговорили со всех сторон.

— Трудно сразу ответить на ваши вопросы, друзья мои. Несомненно, Павел Тарсянин говорит необыкновенно красноречиво, убедительно и живо. Я выслушал его очень внимательно.

— В чем же заключается его учение?

— Он долго говорил о каком-то Иисусе из Назарета. Доказывал, что Иисус воскрес из мертвых и убеждал принять Его учение.

— Воскрес из мертвых? — вскричал иронически Трасей. — Клянусь нашей Артемидой, это что-то очень необыкновенное. Воскресал ли кто из мертвых? Я, например, очень желал бы, чтобы воскрес Фидий или

* По древнегреч. мифологии, дух-хранитель дома или местности, преданный человеку — *ред.*

** Платон — греческий философ.

*** (Деяния 19, 9).

Пракситель*. Тогда я поучился бы у них кое-чему. Но увы, Плутон** вряд ли кого выпустит из своих холодных объятий.

— Ты прав, мой любезный Трасей, — отозвался Автоклъ. — У философов я нигде не читал о воскрешении мертвых.

— Соглашаюсь с вами, друзья мои, что это очень странно, — продолжал Гиеронид, — однако Павел положительно утверждает, что Иисус, хотя и был убит иудеями, но в третий день Воскрес и явился ученикам. Павел даже уверяет, что Иисус явился и ему во время пути в Дамаск. Конечно, это для нас непонятно. Но несомненно, Павел очень умный и начитанный человек. Говорил в высшей степени горячо.

— И много было народу?

— Полная школа. Павел не имеет недостатка в слушателях. Но думаю, что если кто желает основательно понять его учение, то нужно несколько раз сходить на беседу. А я совершенно не имею времени. Пусть кто-нибудь сделает это вместо меня.

— Я схожу непременно в школу Тиранна, — проговорил любознательный Автоклъ.

— Не советую, — серьезно заметил Димитрий.

При первом же упоминании имени Павла Тарсянина лицо Димитрия нахмурилось. Между бровями легла глубокая морщина.

— Почему?

— Этот человек — наш враг.

— Враг? Как так?

* Фидий и Пракситель — знаменитые греческие скульпторы; первый жил в 5 веке до Р.Х., второй в 4-м.

** Плутон — по древнегреч мифологии, бог подземного царства.

— Да! Враг и самый страшный. Что он проповедует? Он хочет, чтобы люди не поклонялись великой Артемиде Ефесской*, хочет, чтобы чтили только его невидимого Бога. А если эта проповедь будет иметь успех, то почитание Артемиды упадет; следовательно, рухнет и наше ремесло. Я и теперь уже замечаю, что за последнее время гораздо меньше сбыт изображений богини. Если это продолжится и далее, то... Но прочь эти мрачные мысли теперь! Об этом мы поговорим в другое время. Сегодня время веселья. Эй, Нилос, распорядись, чтобы давали вино и зови сюда танцовщиц.

Рабы быстро внесли большие серебряные кратеры** с вином, разбавленным водой, затем они поставили перед каждым гостем киаф*** и фиал****.

— Друзья мои! — приподнялся Димитрий с фиалом хиосского вина. — Пью за процветание нашего искусства. Да погибнет учение этого Павла Тарсянина! Велика наша Артемида Ефесская!

Все вскочили со своих мест и с поднятыми фиалами вскричали:

— Велика Артемида Ефесская! Да здравствует славный Димитрий со своим семейством.

— Да здравствуют и мои славные гости!

Фиалы осушивались.

Когда гости снова возлегли, в комнату вошли сирийские танцовщицы и под игру нескольких флейт начали веселый быстрый танец, называвшийся «сикиннида».

* По древнегреч мифологии, одна из богинь планеты, обладающая знаниями о мироустройстве, богиня охоты, покровительница природы...

** Греки не употребляли чистое вино, а всегда разбавленное водой. Рабы заранее, смотря по крепости вина, разбавляли его в кратерах. Кратер — выпуклый, с широким отверстием сосуд для вина.

*** Киаф — ковш для черпания вина из кратера.

**** Фиал — чаша без ручек, из которой пили вино.

Они быстро носились по комнате, изгибались, выделяли разные замысловатые и двусмысленные фигуры, чем привели гостей в неописуемый восторг.

— Клянусь Зевсом, танцы великолепны! — вскричал Трасей, — ты угостил нас, Димитрий, не только хорошим изысканным обедом, но дал удовольствие и зрению, и слуху. Да будет к тебе благосклонна судьба!

После сириянок вышла на середину комнаты одна девушка в короткой тунике. Заиграла флейта. Другая девушка внесла круг, весь утыканный мечами острием вверх, и поставила на пол. Танцовщица под веселые звуки флейты начала грациозно перепрыгивать через мечи.

— Одно неловкое движение — и в царстве Плутона одной женщиной больше, — прошептал Клитон на ухо своему соседу Калликрату.

— Не беспокойся. Эти женщины любят шутить с Плутоном.

— Но прыжки ее смелы. Клянусь всеми богами, она неподражаемо хороша!

Танцовщица приковала своим опасным танцем всеобщее внимание и была награждена шумными аплодисментами. Затем вышли мальчики, которые под аккомпанемент цитр* пели разные песни; чтецы мастерски читали выдержки из поэтов.

Обед кончился литературно-музыкальным отделением. Гости пили вино, наслаждались пением и танцами, и, в заключение, занялись игрой, называвшейся «коттаб». Для этого брали чашу с небольшим количеством вина и, размахивая ею под звуки флейты, выплескивали из нее вино в особый бронзовый диск, установленный у

* Цитра — струнный щипковый музыкальный инструмент.

стены. Каждый выплескивающий задумывал что-либо и по звуку падающей жидкости делал заключение, исполнится ли его желание или нет. Эта игра была очень распространена среди древних греков. Ни одного пира не обходилось без нее. Особенно увлекались ею в Афинах. Победителям давались дорогие вазы.

Гости разошлись далеко за полночь, горячо поблагодарив хозяев за радушный прием и хорошие угощения. Аристоген долго не мог уснуть: в его ушах все еще продолжали звучать похвалы гостей.

И горделивая улыбка собственного достоинства легла на его губы.

II

Димитрий пользовался самой широкой популярностью, как скульптор, не только среди своих сограждан, но и далеко за пределами Ефеса. Его знали и другие ионийские города, расположенные по побережью Малой Азии. Имя Димитрия было известным даже в Афинах, этом центре культуры и искусства древнего мира. Его мастерская видела в своих стенах знатнейших граждан Ефеса. Несмотря на то, что он был ремесленник, его не избегала и аристократия, потому что Димитрий не жалел денег на угощения друзей. Никто не мог упрекнуть его в отсутствии гостеприимства и радушия.

Обширный, роскошно обставленный дом его находился в одной из тихих, нешумных улиц, примыкавших к подножиям гор Корреса и Приона, расположенных от города к югу и востоку. Около дома был разбит небольшой садик, в конце которого находилась мастерская. Это было обширное двухэтажное здание. Внизу шла отливка статуй, барельефов, и производилась, главным образом, вся черная работа. Здесь шумели меха, дымился расплавленный металл, стучали молоты, отдавая работающих тысячами искр.

Верхний этаж был предназначен для продажи изделий. Димитрий выпускал в большом количестве статуэтки, барельефы и талисманы с изображением Артемиды Ефесской. Во время праздника Артемиде эти талисманы и статуэтки расходились в огромном количестве, давая

Димитрию хорошие барыши. Кроме Димитрия, выпускали подобные произведения и другие мастера, но значительно хуже качеством. Если отчасти и мог кто поспорить с Димитрием, так это Трасей, имевший довольно обширную мастерскую.

Через несколько дней после обеда, данного в честь Аристогена, Димитрий направился к своему хорошему знакомому, римскому патрицию Титу Лоллию Фабиану. Его небольшая, но изящная вилла находилась на склонах горы Корреса, недалеко от театра. Этот патриций был большой любитель художественных произведений и ценил искусство Димитрия. Он жил прежде в Риме, но после крупных неприятностей с любимцами Цезаря оставил Рим, много путешествовал и, наконец, выбрал местом своего постоянного жительства Ефес. Фабиан был одинок, не любил пышности, хотя и обладал огромным состоянием. Он избегал многочисленности рабов и имел их не более десяти, хотя древние греки и римляне имели по несколько сот и даже тысяч рабов.

Солнце еще высоко стояло над Ефесским заливом, когда Димитрий подошел к портику* Тита Фабиана.

— Дома господин? — спросил он у привратника.

— Да, я сейчас доложу ему.

— Он занят?

— Господин в данное время читает в библиотеке.

— Быть может, я помешаю ему в работе? Но он просил известить его, когда моя статуя будет окончена. Вот я и пришел.

Раб отправился с докладом. Через минуту он вернулся и сказал:

* Портик — крытая галерея с колоннами, прилегающая к зданию.

— Господин просит тебя пройти в перистиль*. Он сейчас выйдет.

Димитрий прошел в небольшую прихожую и очутился в изящном перистиле. Два ряда колонн поддерживали портики. К одной стороне перистиля примыкали спальня и библиотека хозяина.

Фабиан не заставил себя ждать. Скоро розовая занавесь зашевелилась, отошла в сторону, и в перистиль вошел бодрой походкой Тит Лоллий; живые глаза его изобличали подвижную натуру, бодрую и жизнерадостную. Ему было лет за шестьдесят. Не успел Димитрий вымолвить приветствие, как Фабиан первый заговорил:

— Славному ефесскому художнику привет! Раб сказал, что статуя Дианы** готова. Правда ли это? Ты окончил ее?

— Да, моя работа окончена. Я счел долгом сам сказать тебе об этом.

— Благодарю за любезность. Значит, можно на нее взглянуть?

— Я буду рад, если ты посетишь мою мастерскую. Прежде, чем отправиться со статуей в храм Артемиды, я хотел бы узнать твое мнение о работе. Я не хочу дарить богине несовершенное произведение. А твой вкус мне известен. Я верю в него и ценю.

Патриций был польщен.

— Когда же ты намерен отвезти статую?

— Это зависит от тебя, благородный Фабиан.

— Почему?

* Перистиль — открытое пространство, двор, сад или площадь, окруженное с четырех сторон колоннадой.

** Диана (в древнегреч. мифологии - Артемида) — богиня охоты, плодородия, позднее богиня Луны.

— Если статуя получит твое одобрение, то я тотчас же отправлюсь в храм. Статуя, повторяю, вполне закончена.

— В таком случае не будем медлить. Я готов сейчас же отправиться к тебе. Меня очень заинтересовала эта статуя. Ведь ты, кажется, долго работал над ней.

— Около полугода.

— Да, срок большой. Горю желанием взглянуть на твое искусство.

Он хлопнул в ладоши. Вошел раб.

— Немедленно подать большие носилки. Поторопитесь.

Раб быстро скрылся.

— Ну, как идет сбыт твоих произведений? Надеюсь, все хорошо? — спросил Фабиан, когда они улеглись на носилках и рабы двинулись в путь.

— За последнее время плохо.

Фабиан искренне удивился.

— Почему? Раньше твои статуэтки шли нарасхват.

— Ах, благородный Фабиан! Дело мое пошатнулось. Да и не мое только, но и всех других моих сотоварищей по производству.

— Но какая причина?

Глаза Димитрия недобро блеснули.

— Ты знаешь, патриций, что здесь, в училище Тиранна, года два уже проповедует некто из Тарса?

— Мельком слышал.

— Ну так вот, он и есть причина. Павел проповедует какое-то новое учение, которое совершенно отвергает богов, и в том числе, конечно, и нашу великую Артемиду.

— А ты был в училище Тиранна?

— Да, был.

— И какого же ты мнения о Павле?

— Я вынес одно убеждение: этот человек может разорить меня. Его учением я ничуть не интересуюсь, но я не могу остаться спокойным, когда результаты его учения уже сказываются на моем производстве. Если все ефесяне уверуют в Иисуса, Которого проповедует Павел, тогда потеряет все величие и славу Артемида. И для кого же я тогда стану готовить статуэтки и барельефы? Где найти покупателя?

— Да, это учение может действительно грозить тебе разорением. Но, однако, любопытно, чему учит этот Павел? В наше время, впрочем, развелось так много разных религий и суеверий, что, вероятно, это одна из восточных сект. Но мне тебя жаль, а помочь ничем не могу.

— О, я был бы безмерно рад, если бы явилась какая-нибудь возможность удалить отсюда этого человека! — вскричал Димитрий со злобой.

Фабиан задумался.

— Это сделать мудрено. У Павла, очевидно, много приверженцев, которые встанут на его защиту. А для вас совершенно невыгодно затевать бунт. Вы, ефесяне, можете потерять и те политические права, которыми располагаете теперь.

— Да, ты прав. Об этом я уже много думал, — мрачно отозвался Димитрий.

— Я все-таки переговорю с проконсулом. Он мой хороший знакомый. Нельзя ли что-нибудь сделать для тебя. Предварительно нужно познакомиться с этим учением. Нет ли в нем некоторых преступных пунктов, из-за которых можно было бы лишить Павла свободы. Не проповедует ли он, например, неповиновение властям, непочтение к кесарю?

Димитрий нахмурился.

— Этого я не слыхал. Он, главным образом, обещает своим последователям вечное Царство на небе с Иисусом. О земле он мало и говорит: земные интересы ему чужды.

Патриций сделал презрительную гримасу.

— Он говорит о небесном Царстве? Это что-то очень странное и непонятное. Кого может интересовать такой отвлеченный вопрос? Если Павел проповедует только лишь о небесных благах, то трудно лишить его свободы. Остается тебе одно: просить вашу богиню Артемиду, чтобы она поскорее убрала куда-нибудь этого человека, как врага и разрушителя ее храма. А впрочем, я переговорю с проконсулом и дам тебе ответ на этих же днях.

Когда патриций вошел в мастерскую Димитрия, то невольный взглас восхищения сорвался с его губ при виде статуи. Последняя поражала художественной законченной отделкой. Ничего не нужно было ни убавить, ни прибавить: резец художника сделал все, что только можно было сделать. Фигура была почти натуральной величины и вылита из бронзы.

— Прекрасно! Восхитительно! — твердил Фабиан, не отводя своего восторженного взгляда от богини.

— Находишь, благородный патриций, какие-нибудь недостатки? — спросил Димитрий.

— Никаких! Каждый штрих на месте, каждая складка одежды правдива и верна. Ваш храм Артемиды приобретет лучшее украшение. А скажи мне: во что ты ценишь эту статую? За сколько ты ее продал бы?

— Эту статую я посвятил богине, а потому она не может быть никому продана. Когда тяжело заболела моя Ариадна, я дал слово приготовить статую в храм, если

дочь выздоровеет. Дочь выздоровела, и я должен сдерживать слово.

— Это я знаю, слышал. Ну, а, однако, во что ты оценишь ее?

Димитрий задумался.

— Мин в пятьсот*.

— В таком случае делаю тебе заказ на такую же статую. Я отправлю ее в Рим. Пусть там посмотрят, какие есть здесь в Ефесе художники.

— С удовольствием исполню твое желание, благородный патриций. Но прошу тебя, будь благосклонен ко мне и переговори с проконсулом относительно Павла. И я сочту долгом поднести тебе такую же статую.

— Обещать наверняка не могу, но еще раз повторяю тебе: охотно переговорю. Разумеется, и за вторую статую я заплачу тебе те же пятьсот мин.

Патриций еще раз внимательно оглядел статую Дианы, еще раз выразил свой восторг, простился и ушел.

— О, боги! Не одну, а пять статуй я дал бы тому человеку, который сумел бы удалить отсюда Павла! Этот человек разорит меня. Не допусти до этого, великая богиня Артемида**!

И Димитрий, тяжело вздохнув, задумчиво вернулся в свою мастерскую.

* Мина — на деньги в исчислении 1904 г. это около 25 рублей.

Цена на монету 25 рублей 1896 года (на 10 мая 2019 г.) составляла 78 398 руб (<https://www.raritetus.ru/stoimost-monet/carskie-monety/nikolaj-ii/pamyatnye-i-donativnye/25-rublej-1896-koronaciya-nikolaya-ii-5656/>)

То есть, на наши деньги в исчислении 2019 года, пятьсот мин составляет около 40 млн. руб — *ред.*

** Артемида — богиня луны, охоты и плодородия в древнегреческой мифологии, дочь Зевса, сестра Аполлона. Культ богини Артемиды перешел из греческой культуры в римскую. У римлян она отождествлялась с богиней Дианой. Храм Артемиды, построенный в Эфесе, считался одним из семи чудес света, его строили около 200 лет, затем сожгли и позднее восстановили по указу Александра Македонского. Сейчас он в руинах.

III

Эфес в описываемую нами эпоху был одним из известнейших и знаменитых городов Малой Азии* и в истории христианства он сыграл огромную роль. Его в этом отношении считают третьим городом после Иерусалима и Антиохии. Местоположение Ефеса было прекрасное. Расположенный частью на ровной местности по склонам Корреса и Приона, всего в полутора верстах от Икарийского залива, он являлся значительным торговым пунктом не только для Малой Азии, но и всей Греции.

Сюда шли дороги из таких населенных пунктов, как Сарды, Троада, Антиохия и Магнезия. В гавани его постоянно стояли суда со всевозможными товарами из Италии и Греции. Тысячи лебедей украшали собой реку Кайстерь**, огибающую город с севера. Пение птиц наполняло воздух. Реки и озера кишели рыбой; на рынках можно было найти все наилучшее, что только производили Азия и Восток.

Здесь велась обширная мировая торговля. Художественные произведения из золота, серебра, меди, слоновой кости, всевозможные предметы из дорогих пород деревьев, драгоценные материи, дорогие благовония, вино, елей, хлеб, скот — все это красовалось в изобилии на рынках Ефеса. В виду такого положения, город отличал-

* Современная локация: Турция, к западу от города Сельчук, основное население — греки. основан в X веке до н. э.

** Каистр, *совр.* — *ред.*

ся богатством, роскошью и крайне смешанным населением. Здесь можно было встретить и римлянина, и испанца, и галла, и германца, и грека из Эллады, и еврея, и сирийца, и египтянина, и жителей жаркой Месопотамии и Аравии.

Город имел прекрасный обширный театр, устроенный на склоне Корреса, ристалище* для состязания в беге, многочисленные портики и термы**.

Но что особенно украшало Ефес, что составляло его славу и гордость, это великолепный храм Артемиды Дианы. Расположен он был за городом, к северо-востоку. Путник, подплывая к гавани, мог видеть это дивное сооружение, которое изливало на далекое пространство лучи, подобно звезде. Храм имел в длину 130 метров, в ширину 70 и был окружен ста двадцатью восемью колоннами из Парийского мрамора, вышиной в десять сажен. На его фронте*** и метопах**** были замечательно-художественные барельефы из мифологии; такие же барельефы и рисунки необыкновенной красоты украшали и основания колонн.

Храм поражал своей обширностью и великолепием. Это было чудо архитектуры, привлекавшее путников со всех сторон мира. Лестница, ведущая на крышу, была, по преданию, сделана из одной виноградной лозы.

Великолепен был наружный вид. Но поражала богатством и внутренность храма. Произведения знаменитых греческих скульпторов: Фидия, Поликтета и Праксителя украшали храм. Крыши поддерживали массив-

* Ристалище — площадь для конных и рыцарских состязаний — ред.

** Термы — античные бани.

*** Фронтон — треугольник, образуемый двумя скатами крыши.

**** Метоп — место над колоннами.

ные колонны из яшмы. Колонны были увешаны драгоценными приношениями молящихся. Глаз поражался от обилия золота, серебра, драгоценных камней, разноцветных материй и ковров, украшавших стены и колонны.

На одном конце храма стоял большой жертвенник, за ним висела пурпуровая завеса, скрывавшая собой статую богини Дианы, или, как ее называли в Ефесе, Артемиды. Это не было изящное произведение искусства, способное очаровать зрителя. Артемиде Ефесская представляла из себя огромную запеленанную женщину с несколькими чудовищными грудями — символом плодородия и производительной силы. В одной руке она держала трезубец, в другой шар. Этот идол отталкивал своим безобразием и неприличием.

При храме состоял целый штат жрецов «мегабизов», во главе с начальником «эссеном», и жриц дев, называвшихся «мелиссами». У храма были обширные поместья и рыбные ловли, дававшие жреческому персоналу хороший доход. За статуей Артемиды находилась священная комната, куда мог укрыться всякий преступник и где он мог считать себя в безопасности. Жители Ефеса очень чтили свою богиню, как покровительницу города.

Окончив статую Дианы, Димитрий поспешил принести ее в дар храму, согласно своему обещанию. Нужно было также совершить благодарственное жертвоприношение по случаю взятия Аристогеном приза в беге.

Шествие в храм назначено было под вечер, когда спадет жар. С утра начались хлопоты. Димитрий выбрал жертвенных животных, распорядился взять лучшего фимиама и других благовонных смол.

— Аристоген, ты сегодня вступишь в храм, как прославивший себя герой, — обратился к сыну Димитрий.

— Надень свою лучшую одежду, держись с достоинством, и пусть ефесяне увидят, что награда тобой вполне заслужена. Ты сегодня воскуришь фимиам перед богиней. Да будет тебе успех!

— Отец мой, моя слава — твоя. И если я увенчан лаврами, то всецело этому обязан лишь тебе, — скромно проговорил Аристоген.

Димитрий прижал к себе голову юноши.

— Молись великой Артемиде, чтобы она дала тебе счастье, — слегка дрогнувшим голосом произнес он. — Скажу тебе, что наше дело за последнее время пошатнулось, благодаря распространению нового восточного учения. Молись богине, чтобы она не отвратила своего лица от Ефеса. Гибель богини — и наша гибель.

— Я буду молиться, — тихо ответил юноша.

В храм отправилось все семейство, украсив себя лучшей праздничной одеждой. Впереди, на особой колеснице, везли статую, скрытую от любопытных взоров красивым узорчатым покровом. Лошадей вели под уздцы два фригийца* (*древний народ — *ред.*). За статуей следовал в другой колеснице на двух колесах Аристоген с Калликратом, далее Димитрий с Дорионом. Ксанфа и Ариадна следовали на носилках и, наконец, за ними вели жертвенных животных, убранных цветами и зеленью. Процессия медленно продвигалась по узким улицам, по которым сновали люди всевозможных национальностей.

После нескольких невольных остановок по причине многолюдства, процессия достигла, наконец, храма.

Поднявшись по ступеням, Димитрий с семейством вошел в храм. В нем царила торжественная тишина. Даже жрецы ходили тихо, осторожно, едва прикасаясь к полу своими мягкими сандалиями, точно боясь нарушить по-

кой богини. Следом за Димитрием рабы внесли на особых носилках и статую. Эссен был уже заранее предупрежден и торжественно встретил Димитрия вместе с другими жрецами.

Скульптор сделал приветствие эссену и заговорил:

— Великий Демофон, служитель священнойшей Артемиды! Год тому назад дочь моя Ариадна, которую ты сейчас видишь перед собой, была серьезно больна. Я уже отчаялся в ее спасении и думал, что она умрет. В это время я дал обещание поднести в дар богине статую, если дочь моя выздоровеет. И богиня услышала наши родительские мольбы: дочь выздоровела. Теперь я исполняю свое обещание. Вот статуя моей работы для храма великой Артемиды. Сознаюсь, это ничтожный подарок для богини, но прошу тебя: прими его благосклонно.

Он дал знак рукой. Рабы моментально освободили статую от покрова. Среди жрецов пробежал одобрительный шепот. Демофон глазом знатока окинул статую, и в глазах его сверкнул довольный огонек.

— От имени великой Артемиды выражаю тебе благодарность, — отвечал он, — и молю богиню, чтобы она даровала тебе совершенное благополучие.

— Да будет так, — отвечал Димитрий, — а теперь прошу тебя вознести благодарственные молитвы богине о спасении моей дочери. Вот и сын мой Аристоген, удостоившийся награды на великих Панафинеях, тоже желает возблагодарить великую богиню.

— Ваше желание исполнено.

Эссен распорядился ввести жертвенных животных, которых обмыли с известными церемониями. Все подошли к жертвеннику. На него положили сначала маленькую овцу. Бедное животное не сопротивлялось и, свя-

занное по ногам, безмолвно ожидало конца. Ближе всех к жертвеннику встал Аристоген; эссен поместился вместе с прочими жрецами.

За жертвенником на особом алтаре горел священный огонь. Эссен дал знак рукой, и огромная, пурпуровая занавесь медленно отошла в сторону, открывая статую Артемиды. Жутко было смотреть на этого гигантского идола, вооруженного трезубцем. Особенно он мог вселить неописуемый ужас в сумерки, когда лишь слабо вспыхивал на алтаре огонек.

В это самое время из-за статуи вышла главная жрица Хиония с ножом в руке. Аристоген поднял на нее свой взор и на несколько мгновений застыл на месте от восторга и изумления. Он смотрел и не верил своим глазам; ему казалось, что сама богиня красоты Афродита, приняв человеческий образ, явилась сюда во всей своей небесной красоте. Такой красавицы он никогда не видал. Что-то чарующее таилось в ее взоре, от которого можно было забыть на свете решительно все. Статная, высокая, с гордо поднятой головой, с большими, выразительными, великолепными глазами, с распущенными волосами, поверх которых блестела повязка, усыпанная крупными рубинами и аметистами, — она была неописуемо хороша. Сердце юноши невольно замерло.

«Это сама богиня», — промелькнуло у него.

А когда жрица кинула взор на Аристогена, то на щеках ее вдруг вспыхнул яркий румянец. Ресницы слегка дрогнули. Но это продолжалось всего лишь одно мгновение. Хиония овладела собой и твердо подошла к жертвеннику. Следом за ней вышли и другие жрицы.

— Кто ты, юноша? — торжественно обратилась она к Аристогену.

— Я Аристоген, сын скульптора Димитрия.

— Зачем ты пришел в этот храм, к великой богине Артемиде? Что привело тебя сюда?

— Меня привело желание воздать благодарение богине за мою победу на ристалище во время Великих Панафиней.

— Иди и благодари. Вот фимиам. Воскури им перед богиней.

Юноша взял горсть фимиама и бросил его в огонь. Пламя слегка вспыхнуло. К потолку взвились клубы дыма. Жрецы следили за ними, стараясь узнать по ним: угодна ли жертва богине. Вероятно, клубы дали благоприятное показание, потому что Демофон одобрительно кивнул головой. Хиония подняла руки к статуе и громко, слегка взволнованным голосом заговорила:

— О, великая богиня Артемида! Прими милостиво эту благодарственную жертву. Дай приносящим ее счастье, благополучие и избавление от врагов. Пусть не коснется их никакое зло! Да минует их болезнь и скорбь. О, Артемида, мы все смиренно просим тебя о том! И дай им чаще приносить тебе жертвы. Хвала тебе! Хвала, покровительница славного Ефеса!

Затем Аристоген бросил в огонь несколько волос, вырванных у овцы, а Хиония подала эссену нож.

Главный жрец ударил овцу в шею. Кровь обагрила жертвенник и побежала по желобу. Овца вздохнула, вздрогнула и осталась неподвижна. Тогда подошли жрецы, разрезали овцу на части и начали рассматривать внутренности, опять-таки стараясь по их расположению угадать, приятна или нет жертва богине.

Хиония отошла немного в сторону и бросила на Аристогена незаметный, пытливый взгляд.

«Он изящен и красив, как сам Аполлон», — подумала она. Затем, подняв глаза на Артемиду, прошептала:

— Хвала тебе, великая богиня! Теперь я знаю того, кто заставил вострепнуться мое сердце. Ты услышала мою просьбу. Ты не отвергла меня.

Заколоты были и другие животные. Жрецы занялись жареньем мяса, — церемонией, которая считалась священной. Это жаренье производилось в другом помещении храма. После окончания всех церемоний жрецы рассматривали статую, которую принес в жертву Димитрий, и восторгались ее художественной отделкой.

— Да, это будет одно из лучших украшений нашего храма, — говорили они.

И они наметили место, куда поставить статую.

Хиония, прежде чем удалиться из храма, еще раз бросила на Аристогена жгучий взгляд, который он заметил и от которого трепетно забилося его сердце.

«Как она хороша! Сама Афродита едва ли была бы прекраснее, если бы явилась на землю. Как она восхитительна!». Он ушел из храма, унося с собой образ красавицы-жрицы.

IV

— Опять проиграл, Аристоген? Нет, ты сегодня положительно рассеян! Просто не понимаю тебя! Хочешь продолжить игру?

— Хорошо.

— Но только, пожалуйста, будь внимательнее.

— Постараюсь.

Ариадна смешала кости и партия началась снова*. Но Аристоген был, видимо, далек от игры и клал косточки рассеянно. Это не ускользнуло от внимания сестры.

— Не хочу играть больше, — капризно проговорила она, отталкивая кости, — ты намеренно поддаешься мне.

— Ничуть.

— Но, однако, ты проиграл?

— Не все же мне выигрывать. Ты просто становишься опытнее в игре, вот и вся разгадка.

— Это неправда. Ну, скажи мне, Аристоген, почему ты за последнее время стал какой-то задумчивый. Какая причина? Я желала бы узнать.

— Ты ошибаешься, милая сестрица. Мне нет причины быть задумчивым.

— А вот и неправда. Даю слово, что ты меня обманываешь. По глазам вижу, ты что-то скрываешь.

— Еще раз повторяю тебе, сестра, что твои подозрения совершенно напрасны.

* Кости — игра, подобная домино; греки очень любили эту игру.